

Матушка, только что смотревшая на меня строго, услышав слова о «достоинстве», тронула уголки губ в улыбке, ткнула пальцем в воздух в мою сторону и снова подняла бокал, осушив его до дна. Я подмигнула ей, и все последовали её примеру. У Саньсы, не теряя времени, после того как мы выпили, первым возгласил: «Десять тысяч лет!» Его примеру последовали остальные члены семьи У, и громовые возгласы покатались волной. Увидев, как У Миньчжи мрачнеет, я внутренне возрадовалась. Когда крики стихли, я снова вышла вперёд и сказала: «Многочисленны саранчи, как сыновья и внуки» — это знак процветания семьи. Прошу матушку выпить ещё одну чашу за процветание родов Ли и У». Слова эти были несколько льстивыми, и я опасалась, не рассердится ли отец, но, украдкой взглянув на него, не заметила никакой перемены в его лице. Матушка же, напротив, явно просияла от удовольствия, подняла бокал и, медленно обведя взглядом каждого в зале, наконец остановила его на Ли Шэне: «Рождение внука у второго сына — счастье для нашего дома».

Ли Шэн, хотя это был и не первенец от главной жены, тоже сиял от радости и поднял чашу, а мы все последовали его примеру. Матушка, когда мы выпили, неспешно вышла из-за стола. Придворная служанка хотела подлить ей вина, но та отстранила её рукой, сама взяла с подноса винный кувшин, в одной руке держа чашу, в другой — сосуд, спустилась со ступеней, подошла к Ли Шэну и, кивнув, сказала: «Второй сын, шестой сын, налейте вашему двоюродному брату».

Ли Шэн и Ли Жуй замерли в недоумении. Я же, улыбаясь, поспешила подойти и взять кувшин из рук матери: «Я, я!»

Ли Шэн нахмурился, глядя на Ли Жуй, а тот уже собирался заговорить, но я опередила его: «Сегодня отец и матушка в духе, наверняка за всё будут награждать. Чем больше сделаешь, тем больше получишь. Вы, старшие братья, уж не отнимайте у меня эту возможность! Я не жадная — отец только что уже пожаловал мне золотые монеты, теперь пусть матушка добавит серебра, и я прослежу, чтобы чаши двоюродных братьев не пустовали».

Матушка бросила на меня насмешливый взгляд и с укором сказала: «Ишь, всё о выгоде думаешь!» — но кувшин мне всё же передала: «Серебра не будет, зато этот винный кувшин жалую тебе». Я взяла сосуд и налила вина в чашу У Чэнсы, а в это время слуги уже наполнили чаши остальных. Тут же я протянула золотой кувшин с узором «танцующая лошадь с чашей в зубах» Вэй Хуань: «Береги хорошенько, это дар самой императрицы».

Вэй Хуань мельком взглянула на меня, приняла кувшин и отошла. Матушка, держа чашу, спокойно и безразличным тоном обратилась к У Чэнсы и У Саньсы: «Хорошо, когда младшие поколения рода собираются вместе. Вы — потомки тех, кто следовал за драконом, ваша семья многовековая, чины и знамёна передавались из поколения в поколение. Хотя и пережили некоторые трудности, не следует впадать в уныние и терять себя. Но и не думайте, что, будучи родичами императрицы, можно творить беззаконие. Должно усердно заниматься саморазвитием, наводить порядок в семье, прилежно изучать каноны и историю, стремиться к славе на сотни поколений вперёд». Сказав это, она осушила чашу и повернулась обратно.

Те двое, выслушивая наставления матери, сгорбились, будто раки, руки их дрожали, и лишь с нескольких попыток им удалось поднести чаши ко рту. Ли Шэн и Ли Жуй смотрели на это, хмурясь, и сами лишь с трудом сделали глоток. Все вернулись на свои места, и только У Миньчжи, держа чашу, остался стоять в центре зала: «Тётушка, племянник непременно вместе с двоюродными братьями приложит все силы, чтобы возродить и прославить врата нашего деда!»

Матушка, усадив меня рядом, указала на блюдо с «хуньян моху». Я поняла её намёк и взяла нож, чтобы нарезать мяса для неё, как вдруг услышала: «У тебя есть свой собственный род. То,

что ты унаследовал титул Чжоу-гогуна, было временной мерой, чтобы Далан и второй сын могли спокойно нести службу вдали от дома. Теперь, когда они вернулись в столицу, ты можешь вернуться в свою семью и унаследовать род Хэланей».

У меня дёрнулась бровь, рука с ножом замерла в воздухе. Я подняла глаза и взглянула на У Миньчжи.

У того на виске вздулась жила, но он с усилием улыбнулся: «Тётушка, племянник не понимает».

Матушка посмотрела на меня. Я поспешно опустила голову, сосредоточившись на разрезании жареного гуся. Матушка же откинулась на бок и ленивым тоном произнесла: «Не стоит больше говорить. Ступай». Пока она говорила, уже подошли четверо крепких евнухов. У Миньчжи ничего не оставалось, как с ненавистью удалиться.

В зале внезапно воцарилась тишина. Не слышно было ничего, кроме музыки, доносившейся от музыкантов Цзяофан.

Члены семьи У дрожали, не смея пошевелиться. У Саньсы и У Чэнсы переглянулись, затем вместе выпрямились, сложили руки и, едва начав: «Ваше Величество...», — были прерваны нетерпеливым взмахом руки матери: «Вы долго служили вдалеке от столицы, боюсь, порядки двора уже подзабыли. На сей раз, вернувшись домой, хорошенько заново изучите все правила этикета и поведения и в почтительности ждите указа Шэнжэня».

На лицах У Саньсы и У Чэнсы отразилась радость, и они во главе всех членов семьи У торжественно возблагодарили за милость. Матушка слегка взмахнула рукой, давая знак отойти, затем снова повернулась ко мне. Я и так не слишком искусно владела ножом, да ещё отвлеклась на историю с У Миньчжи, потому разрешила меньше половины гуся, да и куски получались кривые, толще и тоньше. Матушка, глядя на это, покачала головой, взяла у меня нож и в мгновение ока нарезала с десяток почти одинаковых ломтей. Она подала блюдо с одним куском отцу, затем положила кусок мне, а остальные роздала всем присутствующим — от Ли Шэна и Ли Жуй до членов семьи У, каждому по куску.

Музыканты Цзяофан, поняв настроение, заиграли лёгкую, весёлую мелодию, певцы запели чистым голосом, придворные служанки в хуских костюмах закружились в танце с колокольчиками. Ли Жуй с ухмылкой подошёл поднести вино Ли Шэну, подтрунивая над тем, что его сын родился всего через два-три месяца после свадьбы. Члены семьи У оживились, сияли от счастья; не только обменивались тостами между собой, но и то и дело вставали, чтобы подойти и поздравить матушку с днём рождения. Отец и матушка мирно беседовали и смеялись, изредка поддразнивая меня. Я же, смеясь, выпрашивала у них награду за то, что подносила кувшин и резала мясо, за что получила от матери шлепок по голове. Та, словно что-то вспомнив, как бы невзначай сказала: «Только что Вэй Хуань танцевала с тобой в паре, а я и забыла наградить. Гао Яньфу, поднеси ей блюдо с мясом и пожалую ещё одну серебряную вещь».

Я редко видела, чтобы матушка так милостиво относилась к моим юным служанкам, и на мгновение замерла. Затем, встретив её улыбочивый взгляд, поняла, что это делается ради моего лица, и невольно расцвела в улыбке. Стала ещё усерднее подавать ей чай и накладывать блюда.

Весь зал пребывал в радости.

После того семейного пира я внимательно следила за каждым движением У Миньчжи. Думала, раз матушка открытым указом велела ему выйти из рода, то непременно вот-вот издаст указ о

повышении У Чэнсы и У Саньсы — иначе к её предстоящему дню рождения, всего через десять с небольшим дней, не успеют сшить их придворные одеяния. Но после пира матушка снова не спешила. Дни её проходили то в прогулках с отцом по садам и любовании весной, то в устройстве больших и малых дворцовых пиров. Она также несколько раз вызывала во дворец У Чэнсы и У Саньсы, жалуя им деньги и товары — ни одна награда не превышала пятидесяти отрезков, но те двое вели себя так, будто получили величайшую милость. Благодарственные доклады от них текли во дворец непрерывным потоком. Матушке было лень читать, и она часто звала меня зачитывать их вслух. Стиль У Саньсы был вполне сносным, а вот у У Чэнсы — просто отвратительным. Слушая его доклады, матушка иногда хмурилась и делала мне знак подбородком. Поначалу я не понимала, что имеется в виду, и лишь когда Ваньэр сказала: «Прошу принцессу отметить тушью эту фразу», — до меня дошло. Я стала отмечать тушью неудачные выражения, после чего евнухи забирали доклад и отправляли обратно У Чэнсы на переписывание.

После трёх-пяти таких раз У Чэнсы стал присылать доклады уже без серьёзных огрехов, и только тогда матушка приказала ему унаследовать титул Чжоу-гогуна и назначила фэнъюем в Приказ шаншу. У Саньсы же стал фэнъюем в Приказе шаншу, но без титула. К тому времени был уже день *ихай* второго месяца — накануне дня рождения матери.

В день объявления указа я была рядом с матушкой. Та, должно быть, заметила моё удивление и, поскольку была в прекрасном настроении, позвала меня прогуляться с ней в маленький садик возле Террасы Личунь. Идя, она спросила: «Сыцзы удивляется, почему твоя матушка издала указ только сегодня?»

Я честно ответила: «Не знаю».

Матушка в последнее время, неизвестно почему, всё больше любила меня экзаменовать. Услышав мой ответ, она сказала: «Подумай хорошенько, прежде чем отвечать».

Я подумала и сказала: «Чтобы они не вздумали своевольничать?»

Матушка улыбнулась, и в улыбке её читалось некоторое самодовольство: «Их отцы и деды в своё время не почтили твою бабушку, и их сослали в те бедные края. Многие из них с рождения и не видели, как выглядит Центральная равнина. Теперь же они вернулись в столицу вкушать богатства — и всё благодаря твоей матери. Как они посмеют своевольничать?»

Я, слегка устыдившись, сказала: «Сыцзы глупа, прошу матушку наставить».

Матушка ответила: «Ты смогла догадаться о первом, и это уже неплохо. Просто ты молода и родилась в богатстве, не знаешь, как устроены людские сердца в этом мире. Они привыкли к бедности в приграничных землях. Если внезапно вернуть их в столицу и дать чины, да ещё как родичам императрицы, они, пожалуй, вознесутся от радости и забьются, опозорив тем самым лицо нашего внешнего рода. Потому нужно дать им немного поволноваться. Они знают, что я намерена их использовать, но указа всё нет и нет. В тревоге и нетерпении они станут раз за разом гадать о моих намерениях, будут настороже, не посмеют безрассудствовать. А получив должности, наверняка станут дорожить ими и не посмеют заноситься перед коллегами, кичась своим родством с императрицей. К тому же, издав указ сегодня, завтра, глядя на то, как они одеты и ведут себя в придворных одеяниях, можно будет судить об их характере и умении держаться».